ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Проблема международной провосубъектности индивидов продолжает волновать научную общественность. При этом как в отечественной, так и в зарубежной доктрине высказываются прямо противоположные точки зрения. Редакция предлагает две статьи на эту тему и считает целесообразным продолжить по этому вопросу дальнейшую полемику.

Редакция МЖМП.

Еще раз о международной правосубъектности индивидов

*Черниченко С.В.**

Вопрос о том, может ли индивид быть субъектом международного права и есть ли примеры наделения индивидов международной правосубъектностью, – предмет постоянных дискуссий. В российской юридической литературе в конце XX – начале XXI века он вновь стал достаточно оживленно обсуждаться, причем количество сторонников того, что индивиды могут быть субъектами международного права и во все большей степени ими становятся, увеличивается. Эта точка зрения такого широкого признания, как в западной доктрине международного права, в отечественной науке международного права все же не получила. Насколько она обоснованна? Все зависит от того, что понимать под субъектом международного права и какой концепции соотношения международного и внутригосударственного права – монистической или дуалистической – придерживаться.

* Черниченко Станислав Валентинович – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор, директор Центра международного права и гуманитарных проблем Дипломатической академии МИД России.

Чтобы уяснить, что такое субъект международного права, необходимо, очевидно, опираться на более общее понятие – субъект права вообще. Логично рассуждать следующим образом: субъект права – лицо (в собирательном смысле – индивид, организация, государственный орган, государство и т.д.), подчиняющееся непосредственному, регулятивному воздействию права, у которого в результате такого воздействия возникают какие-либо субъективные права и обязанности. Соответственно субъект международного права – лицо, подчиняющееся непосредственному регулятивному воздействию международного права.

Встречаются и иные точки зрения на то, что собой представляет субъект права. На одну из них следует обратить особое внимание, так как она может, по-видимому, привести к серьезным теоретическим недоразумениям. Так, А.Б. Венгеров считал, что «правосубъектность включает в себя как правоспособность и дееспособность, так и деликтоспособность субъекта правоотношения»[1]. Во-первых, правоспособность, дееспособность и деликтоспособность – характеристики не субъекта правоотношения, а субъекта права. Их наличие у лица не обязательно означает его участие в том или ином правоотношении. Во-вторых, нет оснований для выделения такого понятия, как деликтоспособность. Это неотъемлемый элемент дееспособности, что признает и Венгеров. В-третьих, если исходить из того, что правосубъектность включает в себя дееспособность (и тем самым деликтоспособность), то в таком случае отсутствие дееспособности означало бы отсутствие и правосубъектности. Тогда получалось бы, что какие-то лица, на которых распространяют свое непосредственное действие правовые нормы, из-за отсутствия у них дееспособности обладают лишь некоторыми чертами правосубъектности, а не являются субъектами права. Между тем недееспособные лица (например, умалишенные) обладают определенной правоспособностью и рассматриваются как субъекты права. Они могут через своих законных представителей участвовать в ряде правоотношений. Почти то же самое можно сказать и о государствах. Даже если территория государства оккупирована и оно недееспособно, оно сохраняет свою правоспособность как участник межгосударственного общения и продолжает оставаться субъектом международного права. Например, Ирак, оккупированный американскими

[1] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Часть II. Теория права. Том II. М.: Юристъ, 1996. С. 19.

и британскими войсками, является членом ООН, и никто не ставит под сомнение его международную правоспособность и наличие у него международной правосубъектности.

Правосубъектность, в том числе и международная правосубъектность, – качество, не зависящее от объема правоспособности субъектов права, т.е. количества тех прав и обязанностей, которыми они обладают в результате распространения на них регулятивного воздействия права. В принципе можно иметь лишь одно право или нести лишь одну обязанность и в силу этого быть субъектом права. Можно, будучи наделенным таким правом или такой обязанностью, участвовать лишь в одном правоотношении или не участвовать в правоотношениях вовсе, но быть субъектом права. Это, разумеется, теоретическое допущение, которое приводится для того, чтобы яснее выглядели относящиеся к данному вопросу соображения. Их суть можно сформулировать следующим образом: правосубъектность либо есть, либо отсутствует. Нельзя быть чуть-чуть субъектом права. Понятие правосубъектности имеет жесткое содержание. Все сказанное полностью применимо и к субъектам международного права. Субъекты международного права могут иметь правоспособность разного объема, но на их международной правосубъектности это никак не отражается. Встречающееся в международно-правовой литературе выражение «ограниченная международная правосубъектность» нельзя считать удачным. Ограниченной может быть международная правоспособность, а не международная правосубъектность.

Российские сторонники международной правосубъектности индивидов предпочитают обходить молчанием вопрос о том, какую теорию соотношения международного и внутригосударственного права они поддерживают – монистическую или дуалистическую. Однако это ключевой вопрос, от ответа на который зависит признание или непризнание возможности наделения индивидов международной правосубъектностью.

Обе теории имеют разновидности. Но здесь уместно подчеркнуть то, что является их сердцевиной. Монистическая теория строится на тезисе, согласно которому внутригосударственное и международное право составляют некую целостность, образуя в процессе своего осуществления единую правовую систему. Различие между ними при таком подходе состоит только в образовании их норм: внутригосударственное право создается каждым государством в отдельности, а меж-

дународное – согласованием воль, точнее волеизъявлений, участников межгосударственного общения, т.е. соглашениями, явно выраженными или складывающимися постепенно, стихийно. Отсюда легко сделать вывод, что в случае намерения, например, двух или более государств распространить нормы, содержащиеся в заключенном ими договоре, непосредственно на участников внутригосударственных отношений – индивидов, должностных лиц, компаний и т.п. – они это могут беспрепятственно сделать. Тогда действительно участники внутригосударственных отношений, поскольку эти отношения могут регулироваться международным правом, станут в подобного рода ситуациях субъектами международного права, причем не только индивиды, но и юридические лица и т.д. Дело лишь в желании создателей международно-правовых норм распространять их прямое действие на индивидов и иных участников внутригосударственных отношений. Международное право начинает, таким образом, рассматриваться как одна из отраслей права.

Уязвимость монистической теории заключается в том, что в ней игнорируется специфика регулируемых правом общественных отношений. Гипертрофируется роль создателей права. Все, оказывается, зависит от их намерений. Рассуждая в этом духе, можно договориться до нелепостей. Что мешает, скажем, если есть желание создателей правовых норм, внутригосударственных или международно-правовых, распространить их действие на животных и неодушевленные предметы? В средние века иногда судили и животных. Как юридический курьез в литературе упоминается случай, когда участником судебного процесса был идол. Совершенно ясно, что речь идет о юридических фикциях, которые в глазах современников выглядят бессмысленными. Право *объективно* регулирует только общественные отношения. В свою очередь, они имеют различный характер, тоже объективно. Они подразделяются на имущественные, трудовые, семейные и т.д. Часть из них регулируется внутригосударственным правом. Межгосударственные отношения, также объективно, могут регулироваться международным правом. С этим монисты не спорят. Они так или иначе стремятся доказать, что и внутригосударственные отношения могут регулироваться международным правом. Если быть последовательным и придерживаться их логики, тогда закономерен вопрос: почему бы не допустить возможность регулирования межгосударственных отношений внутригосударственным правом? Ведь согласно монистичес-

кой теории между внутригосударственным и международным правом нет объективных границ. Так далеко, правда, монисты не заходят. Но логика – упрямая вещь, хотя можно отделаться следующим аргументом: межгосударственные отношения, если и подвергаются правовому регулированию, то только правилами, создаваемыми их участниками, т.е. международным правом, так как одного участника таких отношений не бывает. Обязательно должен быть, как минимум, еще и другой участник. Между прочим, и этот довод можно опровергать, сославшись на оговорки к двусторонним договорам, считающиеся неправомерными, но которые тем не менее встречаются под видом интерпретационных заявлений и которые могут рассматриваться как попытки (успешные или безуспешные – другой вопрос) регулировать межгосударственные отношения внутригосударственным правом. Вероятно, большинство монистов со столь радикальным взглядом на такие оговорки не согласятся.

Дуалистическая теория основывается на том, что международное право регулирует межгосударственные отношения, а внутригосударственное право – внутригосударственные, образуя в процессе их осуществления две различные правовые системы. Умеренные дуалисты считают, что в каких-то случаях индивиды становятся субъектами международного права (в случаях прямого их доступа в международные органы, например), вступая в противоречие с исходным положением дуалистической теории, так как тем самым признают возможность прямого регулирования международным правом отношений с участием индивидов. Такие отношения при всем желании межгосударственными назвать нельзя. Встречалось и чрезмерное преувеличение расстояния между внутригосударственным и международным правом, взгляд на них как на системы, каждая из которых функционирует сама по себе, независимо друг от друга. В настоящее время это мнение особой поддержки не находит. Вряд ли сейчас кто-нибудь будет отрицать взаимодействие и взаимное влияние друг на друга международного и внутригосударственного права.

Представляется наиболее убедительной точка зрения, согласно которой международное право в состоянии регулировать *только* межгосударственные отношения. Оно создается участниками этих отношений и перешагнуть их границы объективно не может. Остальные общественные отношения регулируются, если вообще подпадают под правовое регулирование, внутригосударственным правом. Эта точка

зрения, которую условно можно назвать концепцией объективного дуализма, достаточно гибка и вполне может отвечать реалиям современной международной жизни. Естественно, при таком взгляде на соотношение международного и внутригосударственного права признать принципиальную возможность превращения индивидов в субъектов международного права нельзя. Индивид не в состоянии быть участником межгосударственных отношений, и, соответственно, его поведение никак не может *непосредственно* регулироваться международным правом.

Было бы недопустимым упрощением все общественные отношения, которые не являются межгосударственными, называть внутригосударственными. Точно так же упрощением было бы считать, что внутригосударственное право всегда и целиком входит в систему национального права того или иного государства. И то и другое упрощение способно породить много недоразумений.

Кроме «чисто» внутригосударственных общественных отношений есть внутригосударственные отношения с иностранным элементом, и есть международные отношения немежгосударственного характера. Обычно две последние категории общественных отношений отождествляют. Отчасти, вероятно, это правильно. Вместе с тем можно выделить международные отношения немежгосударственного характера, которые трудно назвать внутригосударственными отношениями с иностранным элементом. Они, скорее, могут быть названы транснациональными отношениями. Данные отношения возникают главным образом в связи с заключением сделок между субъектами внутреннего права различных государств, причем регулирование таких сделок нередко оставляется государствами на усмотрение заключающих их сторон. Иными словами, государства отказываются от применения своего национального права к данным сделкам, признавая в то же время юридическую обязательность правил, установленных участниками сделок. Указанные правила применяются национальными судами и международными коммерческими арбитражами при рассмотрении споров между сторонами, заключившими эти сделки. Впрочем, как отмечает С.В. Бахин, отказ от национального права не всегда возможен, поскольку законодательство не всех государств это допускает[2]. Не вдаваясь в детали проблем, существующих в подобных ситуациях,

[2] Бахин С.В. Субправо. Международные своды унифицированного контрактного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 153.

важно подчеркнуть, что упомянутые международные отношения немежгосударственного характера регулируются внутригосударственным правом.

Эта часть права, не включаемая в систему национального права какого-либо государства, остается по своей природе внутригосударственным правом. Государства, отказывающиеся от применения своего национального права, санкционируют юридическую обязательность соответствующих норм (естественно, каждое в отдельности). Они могут договориться об отказе от применения своего национального права к тем или иным сделкам, заключив по этому вопросу международный договор, но сами правила, создаваемые участниками сделок, будут иметь внутригосударственную природу. Здесь уместно провести некоторую параллель с так называемым оккупационным правом для Германии, установленным в 1945 г. оккупационными державами. Ни одна из них не включала право, установленное в оккупированной зоне, в систему своего национального права, но совершенно ясно, что по своей природе это было внутригосударственное право.

Приведенные выше соображения могут быть противопоставлены некоторым точкам зрения, высказанным в российской юридической литературе, имеющим прямое отношение к вопросу о возможности наделения индивидов международной правосубъектностью. Так, в одном из учебников по теории государства и права утверждается, что «в течение долгого времени... традиционное представление о международном праве как регуляторе исключительно международных, прежде всего межгосударственных отношений порождало «привязку» субъектов [международного права] только к этим отношениям. Иначе говоря, только участники межгосударственных и иных международных отношений могли претендовать на признание их статуса субъектов»[3]. Далее, однако, перечисляются различные категории таких отношений и указывается на то, что все они – межгосударственные[4]. Тогда неясно, почему сторонников «традиционного представления о международном праве» упрекают во взгляде, согласно которому на статус субъекта международного права могли претендовать «только участники межгосударственных» и *иных* международных отношений. Нельзя смешивать межгосударственные и иные международные отно-

[3]Теория государства и права. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 2000. С. 525.

[4]Там же.

шения. Как уже говорилось, если придерживаться последовательно дуалистической теории (концепции объективного дуализма), то объектом международно-правового регулирования следует считать только межгосударственные отношения, а к субъектам международного права относить их участников.

В учебнике отмечается, что сторонники традиционного представления о международном праве не признают главной чертой его субъекта «способность участвовать в отношениях, регулируемых международно-правовыми нормами»[5]. Далее говорится: «Его [субъекта] определяющим свойством объявлялась юридическая способность участников отношений к таким самостоятельным международным действиям, которые предполагают их независимое друг от друга положение и способность к совместному созданию международно-правовых норм»[6].

С этим обобщающим выводом трудно согласиться. Было бы неправильным приписывать всем, кто считает субъектами международного права только участников межгосударственных отношений, упомянутые взгляды. Действительно, основные субъекты международного права – государства – *юридически* независимы друг от друга и совместно создают международно-правовые нормы. Другие участники межгосударственных отношений, создавая нормы международного права, тоже в принципе *юридически* независимы друг от друга (во всяком случае, во время их создания), что не исключает навязывания каких-то норм агрессору в пределах, допускаемых тем же международным правом. Вместе с тем, конечно же, все они способны участвовать в отношениях, регулируемых международным правом, но ключевой вопрос – это то, что только участники межгосударственных отношений в состоянии создавать международное право и подчинять себя его регулятивному воздействию.

Не следует думать, будто все субъекты международного права имеют одинаковый фактический и юридический «вес» либо наделены способностью участвовать в международном правотворческом процессе. Не вызывают возражения сами по себе высказанные в учебнике, о котором говорилось, соображения, касающиеся деления субъектов международного права на первичных и производных, а также на создающих международное право и только его применяющих[7]. Эти мысли

[5] Там же.
[6] Там же. С. 525-526.
[7] Там же. С. 527.

не новы[8]. Вызывает возражение попытка доказать, что международное право может регулировать международные отношения немежгосударственного характера. В категорию субъектов международного права зачисляются международные неправительственные организации при выполнении официальных функций, составные части федеративных государств при осуществлении международных связей в пределах конституционной компетенции, международные хозяйственные объединения, юридические лица в процессе международных связей, индивиды в отношениях, осложненных «иностранным элементом», и в отношениях с межгосударственным органом по защите прав человека и с международным уголовным трибуналом (судом)[9]. Почти то же самое утверждается в учебнике международного права, опубликованном в 2003 г., под редакцией Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова (автор соответствующего высказывания Г.В. Игнатенко)[10]. Это – не констатация значительного расширения круга субъектов международного права, а чистый монизм со всеми его слабыми сторонами, о которых речь шла выше. Выходит, что стоит государству или государствам захотеть, как лица и организации, находящиеся под их юрисдикцией, станут субъектами международного права. Вызывает удивление и то, что к субъектам международного права отнесены международные хозяйственные объединения, юридические лица и индивиды, участвующие в отношениях с иностранным элементом, т.е. типичные субъекты *международного частного права.*

В.А. Карташкин, энергично защищающий идею международной правосубъектности индивидов, в своих рассуждениях не заходит так далеко, хотя в чем-то его позиция сходна с изложенной выше. Например, по его мнению, индивид «не только участвует в международных отношениях, но и имеет определенные права, несет специфические обязанности, а также ответственность за нарушение норм и принципов международного права»[11]. К тому же он отмечает, что индивид участвует в международных правоотношениях[12]. Разумеется, если разделять взгляды монистов, то и международные отношения немежго-

[8] См., например: Черниченко С.В. Теория международного права. Том I. Современные теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999. С. 125-129.

[9] Теория государства и права... С. 528-529.

[10] Международное право. М: Изд-во «Норма», 2003. С. 49, 50.

[11] Карташкин В.А. Государство и личность в международных правоотношениях // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 5.

[12] Там же. С. 7.

сударственного характера могут быть урегулированы международным правом.

Индивид, несомненно, участвует и в международных отношениях. С этим никто спорить не собирается. Но он не может участвовать в межгосударственных отношениях и тем более в международных правоотношениях, которые представляют собой межгосударственные отношения, урегулированные международным правом. Индивиды, неправительственные организации, юридические лица и т.п., участвующие в международных отношениях, не являются такими социальными организмами, как государства, государство-подобные образования (вольные города – те же государства, но с ограниченной международной правоспособностью), в редких теперь случаях народы, государственность которых находится в стадии становления (с учетом ряда международно-правовых ограничений), т.е. организмами, которые способны участвовать в межгосударственных отношениях. Индивиды, неправительственные организации и т.д. не в состоянии превратиться в социальные организмы, подобные названным выше.

Если признавать международное право регулятором межгосударственных отношений, то придется признать, что оно не может перешагнуть за границы таких отношений. Представим себе, что оно их все же перешагнуло. Тогда оно за указанной чертой перестает быть международным правом, превращаясь в совместное право ряда государств, регулирующее международные отношения немежгосударственного характера с участием индивидов, неправительственных организаций и т.д. и напоминающее право кондоминиумов. Такая теоретическая конструкция, несмотря на ее искусственность, возможна. Вряд ли с ней согласятся, однако, как государства, так и сторонники дуалистической теории, а монисты – тем более. Проблема заключается даже не в согласии. Можно с чем-то соглашаться или не соглашаться – на объективную картину это не влияет. Ясно только, что, допустив существование феномена совместного права в рассматриваемом гипотетическом случае (международное право перешагнуло свои объективные границы), его уже нельзя считать международным правом.

Возникает еще один вопрос. Ряд межправительственных организаций наделяется их создателями-государствами международной правосубъектностью. Значит, намерение государств сделать кого-то субъектом международного права играет определенную роль. Почему этого нельзя сделать в отношении индивидов? Необходимо подчеркнуть, что

межправительственные организации – форма межгосударственного сотрудничества. Оправданным будет употребление термина «международные механизмы» как имеющего более широкое значение, чем термин «международные организации». Любой международный механизм, структурно сравнительно устойчивый, постоянный, временный или созданный на неопределенный срок, поскольку он является механизмом межгосударственного сотрудничества, может быть наделен его создателями правами и обязанностями, позволяющими ему выступать в межгосударственных отношениях от собственного имени, т.е. международной правосубъектностью. Его правосубъектность будет производной, его международная правоспособность – ограниченной предусмотренными в учредительном акте правами и обязанностями. Индивид же не находится на уровне межгосударственных отношений. Поэтому он не может быть наделен международной правосубъектностью. Если какие-то государства захотят признать индивида субъектом международного права, это будет юридической фикцией. Такой же, как признание субъектами международного права Святого Престола (Ватикана) или Мальтийского ордена, которое диктуется политическими соображениями.

Надо, тем не менее, не упускать из виду то, что механизм межго сударственного сотрудничества не обязательно состоит из государств, его создавших. Он может состоять из членов, действующих в личном качестве (например, международный арбитраж). Он может состоять даже из одного человека (например, посредника в споре, избранного государствами в личном качестве). Это не означает, что указанные лица становятся субъектами международного права. Субъектом международного права является в таких случаях не индивид или индивиды как таковые, а именно механизм межгосударственного сотрудничества. Иначе ничто не мешает считать субъектами международного права и членов дипломатических делегаций. Почему, в самом деле, если рассматривать индивида, выступающего как механизм, форма, персонификация сотрудничества между государствами, в качестве субъекта международного права, не относить к его субъектам и представителей одного государства, его персонифицирующих. Ведь в конечном счете государство – это люди, которые осуществляют его политику и создают совместно с людьми, представляющими другое государство или государства, международное право. Так можно дойти и до выводов радикального мониста Ж. Сселля, считавшего индивидов единствен-

ными субъектами международного права[13]. О его теории почти не вспоминают, но, как говорится, слово было сказано.

Мимоходом надо отметить, что предоставление возможности участвовать в межгосударственных отношениях, подпадающих под международно-правовое регулирование, членам некоторых федераций, вовсе не свидетельствует о неограниченной способности государств наделять кого угодно по своему усмотрению международной правосубъектностью. Если какая-то федерация предусматривает в своем законодательстве право своих членов, частей единого в социальном отношении организма, выступать в определенных границах самостоятельно в межгосударственных отношениях, то для этого есть объективные предпосылки – наличие у члена федерации территории, населения и власти, обладающей необходимой компетенцией, т.е. наличие комбинации компонентов, позволяющих в известной степени рассматривать члена федерации как обособленный социальный организм, который приобрел способность участвовать в межгосударственных отношениях.

Желая доказать возможность превращения индивидов в субъектов международного права, В.А. Карташкин обращает внимание и на их роль в создании международного права: «В настоящее время индивид принимает опосредственное [так у автора. – С.Ч.] участие в создании норм международного права, а также контролирует их исполнение. Известно, что их реализация во многом обеспечивается контрольными и судебными органами, состоящими из экспертов, а не представителей государств»[14]. Непрямое участие индивидов в разработке и принятии норм международного права очевидно. Это не должно, однако, вести к отождествлению их роли в данном процессе с ролью субъектов международного права, прежде всего государств, чьи волеизъявления, согласовываясь, воплощаются в таких нормах. Непрямое участие – не эквивалент непосредственного участия и не свидетельство наличия международной правосубъектности (если только не согласиться с точкой зрения Сселля). Что касается контроля со стороны международных экспертов и судей, то и он не говорит о международной правосубъектности этих лиц. Они – часть механизмов межгосударственного сотрудничества, и контроль за реализацией норм международного права осуществляют не они как индивиды, а тот или иной механизм, в состав которого они входят.

---

[13] Scelle. Précis de droit des gens. T.I. Paris, 1932. P. 42.

[14] Карташкин В.А. Указ. соч. С. 7-8.

Наиболее убедительным доводом в пользу того, что индивиды могут быть субъектами международного права, сторонники этой точки зрения считают предоставление определенным категориям индивидов прямого доступа в международные органы, особенно в судебные – в качестве истцов, ответчиков и подсудимых. Такого рода доступ предусматривается в международных договорах. Подобная практика получает все более широкое распространение. Ее можно приветствовать и не пугать самих себя или других тем, что она ведет к подрыву государственного суверенитета и легализации вмешательства в дела, входящие в сферу внутренней компетенции государств. Если государства добровольно решают вводить такую практику, то они реализуют свои суверенные права и не теряют при этом ни капли своего суверенитета. Разговоры о том, что государства, создавая так называемые наднациональные органы или признавая верховенство международного права над внутригосударственным и т.п., ограничивают свой суверенитет, – результат недоразумения. Суверенитет как юридический символ самостоятельности государства, как юридическое качество остается неизменным до тех пор, пока государство не входит в состав другого государства или не объединяется с другими государствами. Может ограничиваться и ограничивается международная правоспособность государств, а не их суверенитет.

Прямой доступ индивидов в международные органы вовсе не означает наделения индивидов международной правосубъектностью. Складывающиеся в этих ситуациях международные (межгосударственные) и внутригосударственные правоотношения переплетаются в довольно сложный клубок. В принципе международные правоотношения здесь возникают между государствами *по поводу* доступа индивидов в международные органы, а у индивидов, получающих такой доступ, несмотря на их непосредственный организационный контакт с этими органами, правоотношения складываются с государствами, создавшими данные органы, и указанные правоотношения имеют внутригосударственный характер. Приходится повторять то, что уже ранее по этому вопросу говорилось[15]. В каждом конкретном случае доступа необходим анализ возникающих правоотношений, особенностей их переплетения, чтобы яснее понять специфику ситуации. Но общая их схема не меняется. Помимо всего прочего, надо помнить, что

[5] Черниченко С.В. Личность и международное право. М.: Изд-во «Международные отношения», 1974. С. 87-129.

людям важно не то, могут они или не могут быть субъектами международного права, а то, насколько международные механизмы и процедуры в состоянии эффективно защищать их права.

Никакие формулировки международных договоров, создающие впечатление, что эти договоры прямо применяются к индивидам (например, Пакты о правах человека), не означают распространения договоров на индивидов непосредственно. Они предусматривают взаимные права и обязанности государств-участников, касающиеся индивидов. Никакие положения международных договоров, учреждающие механизмы, в которые индивид получает доступ, или резолюций международных организаций, предусматривающие такой доступ (резолюции Совета Безопасности ООН, создавшие трибуналы по бывшей Югославии и Руанде и т.п.), также не применяются к индивидам непосредственно как нормы международного права. Их прямое действие – иллюзия. В практическом плане это не слишком важно, но теоретическая ясность всегда желательна, так как иначе и практика может преподнести «сюрпризы».

В любом случае, когда нормы международного права как будто бы применяются непосредственно к индивидам, происходит их «переадресовка» или трансформация. Оба термина условны. Нормы международного права так и остаются нормами международного права, ни во что не преобразуясь. Просто возникают внешне очень похожие на них нормы, внутригосударственные по своей природе, которые не обязательно включаются в национальную систему права какого-либо государства, на что уже обращалось внимание. Как это происходит – вопрос юридической техники: путем отсылки к международному договору, путем инкорпорации договора в законодательство государства, путем принятия специального парламентского акта, включающего договор в законодательство государства (трансформация в узком смысле) или же воспроизводящего буквально или по смыслу формулировки договора в качестве формулировок закона либо их конкретизирующего и т.д. Возможна «переадресовка» de facto. Не будем говорить сейчас о ее недостатках. В данном контексте значение имеет следующее: появляющаяся в результате «переадресовки» формально или фактически норма – не норма международного права по той причине, что: во-первых, она регулирует отношения с участием индивидов, не являющиеся межгосударственными, и, во-вторых, она адресована участникам этих отношений, а не только государствам, которым была

адресована норма, предназначенная для «переадресовки», т.е. адресована иным субъектам. Таким образом, это по своей природе совершенно другая норма, хотя, на первый взгляд, она может казаться той же самой нормой международного права.

Об ответственности индивидов за нарушения норм международного права тоже нужно говорить с осторожностью. Если нормы международного права не регулируют отношений с участием индивидов, то индивиды не могут их нарушить. Нормы международного права могут предусматривать право или обязанность государств привлекать индивидов к уголовной ответственности за совершение определенных действий. Будет ли их привлечение к уголовной ответственности происходить, минуя межгосударственные механизмы или через них, – существо происходящего не меняется. Государства либо включают в свое уголовное право нормы во исполнение соответствующих договоров или в исключительных случаях могут придавать им обратную силу на основании договоров (такое толкование достигнуто в отношении известной ст. 99. Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.) или резолюций Совета Безопасности ООН, либо создают международные судебные органы для рассмотрения дел указанных индивидов. Но так или иначе эти лица нарушают нормы уголовного, а не международного права. Такие нормы, если они содержатся в уставах международных судебных органов, могут формально не включаться во внутреннее право государств. Однако их «переадресовка» все равно происходит, когда возникает вопрос об их непосредственном применении к индивидам.

Говорить об *уголовной* ответственности индивидов согласно международному праву как о чем-то равнозначном международно-правовой ответственности государств с целью доказать возможность наделения индивидов международной правосубъектностью не более логично, чем доказывать, что государства могут быть посажены на скамью подсудимых наравне с индивидами.

Завуалированным обоснованием теории международной правосубъектности индивидов может служить тезис о том, что в настоящее время будто бы возникли так называемое транснациональное право и наднациональное право, которые отличаются от внутригосударственного и международного[16]. Транснациональное право – система норм, кото-

[16] Активным сторонником концепции транснационального и наднационального права является В.М. Шумилов. См., например: Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4 (48). С. 3-19.

рая якобы создается «частными лицами разных государств» для регулирования отношений между ними, остающихся вне внутригосударственного или международно-правового регулирования. Но такое «транснациональное» право по своей природе является внутригосударственным, о чем выше уже говорилось. К наднациональному праву предлагают относить нормы, обязательные для государств, принимаемые международными организациями без их согласия и в ряде случаев имеющие «прямое действие», распространяющиеся непосредственно на физических и юридических лиц «через голову» государств. Однако это тоже международно-правовые нормы. Согласие на их обязательность государства дают, учреждая данные организации или в них вступая, а их прямое действие – в действительности результат «переадресовки», на что также выше обращалось внимание.

Международное право, бесспорно, если можно так выразиться, приближается к человеку. Оно во все большей степени начинает отражать интересы человечества в целом. Неотложный характер приобретает задача создания максимально эффективных деполитизированных международных механизмов, обеспечивающих баланс между интересами государства и личности. Но путь к этому лежит не в отстаивании теории международной правосубъектности индивидов, а в поисках практических мер, способствующих успешному функционированию таких механизмов.